вестного в русской письменности сказания «о свете святем, како сходит с небеси» (в Иерусалиме в страстную субботу). Это и есть та искра в пепле, которую господь «по довольном наказании нашего согрешения... возжет зело и попалит Измаилтян злочестивых царства». Заканчивает автор свою статью уже политическим рассуждением, характерным для московской Руси XV—XVI веков: царства Греческое, Сербское, Босанское, и Арбанасское и иные многие попленили турки, «наша же Российская земля... растет и младеет и возвышается, ей же, христе милостивый, даждь расти и младети и расширятися до скончания века».

Плач этот — не столько плач о падении Царьграда, сколько политический памфлет, основанный на том комплексе идей, который был распространен в ближайшее время после падения Царьграда в русских официозных и церковных кругах. Падение вековой византийской империи, тесно связанной со всем славянским миром, наводило на размышления и о грядущих судьбах родины. При этом припоминание прошлого и успехи настоящего оправдывали оптимистическое решение вопроса. Эту-то мысль и выразил отчетливо в конце своего Плача автор. С этой точки зрения Плач является ярким и ценным показателем настроений общественных кругов XVI века. Эта идеология получила признание в период создания и укрепления централизованного Русского государства и нашла выражение в ряде других литературных произведений.

Составитель (скорее редактор) редакции 1512 года имел перед собою редакцию Хронографа 1508 года, которую и переделывал.[1] В этой редакции никакого сказания о падении Царьграда еще не было, не было в распоряжении и у редактора 1512 года какого-либо иного сказания об этом. Ему известен был, конечно, самый факт, и, быть может, до него дошли устным путем кое-какие слухи о подробностях завоевания Константинополя[2] и, разумеется, то тяжелое впечатление, которое произвело это событие, почему он и должен был ограничиться только упоминанием о взятии Царьграда и отразить общее впечатление факта на современников, отлив его в несколько лирических строк. Но присоединяя в конце своей редакции плач, кончая большую историческую компиляцию событием 1453 года, как событием огромной важности, редактор этим подсказывал мысль, что событие 1453 года закончило собой большой период мировой истории. После этого начинается новый период этой истории, где главную роль будет играть Русская земля. С этим следует сопоставить также то, что в ряде письменных памятников (а в числе их и в Хронографах различных типов XVI века) сказанием о падении Царьграда заканчивается и самый Хронограф, как изложение мировой истории. И если он и продолжается, то лишь как изложение событий русской истории в виде извлечений из русских летописей. Таким образом, и здесь устанавливается,

---

[1] См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 111.

[2] К числу таких слухов, устным путем дошедших до автора плача, я считаю возможным отнести у него фразу: «не точию улица и реки наполнишася крови християньских, но и морскиа волны очервишася и самого царя Коньстянтина яко ни главе, ниже телу обрестися» (стр. 438). Сведения об этом почерпнуть из известных нам книжных источников (допуская их наличие во время написания плача) он едва ли мог: наиболее подробный и обстоятельный рассказ искандеровской или хронографической повести (не говоря уже о других нам известных) если и говорит о потоках крови по частному поводу (стр. 449) и о посмертной участи Константина (стр. 459), то говорит иное и иначе. Что же касается обращения церкви Софии в мечеть, то и об этом повесть не говорит, и это могло бы быть отражением каких-либо слухов, а самое представление о ней, находимое в плаче у названного автора, скорее всего идет из популярного на Руси сказания о построении св. Софии.